

8 $\frac{96-3}{11811-2}$

БАЛТИЙСКИЙ АРХИВ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИБАЛТИКЕ

Т. II

**ТАЛЛИН
“АВЕНАРИУС”**

Людмила Спроге (Латвия)
А.М.РЕМИЗОВ В ЛАТВИИ:
В.ДАМБЕРГС, В.ЭГЛИТС, В.ГУСЕВ,
И.ПАВЛОВ, В.ГАДАЛИН.

Часть I.

**А.Ремизов, В.Эглитс, В.Дамбергс: Цесвайнский
эпизод в жизни А.М.Ремизова.**

В контексте восприятия латышскими писателями начала XX в. русской модернистской культуры Алексею Ремизову отводится отнюдь не второстепенное значение.

Отсутствие исследовательской литературы по этому вопросу (1) сбалансировано теми мемуарными и эпистолярными источниками, которые составляют основной корпус предлагаемой статьи.

Сам факт сближения имен представителей двух культур вносит существенные коррективы и необходимые уточнения в восприятие общеевропейских процессов развития литературы начала нынешнего столетия. Более того, несхожесть творческих индивидуальностей, противоположность темпераментов, стратегический характер мистификаторства А.Ремизова и "экзотичность" его облика (2), увиденного писателями другой культуры, выносят предмет рассмотрения далеко за рамки личного восприятия. Достаточно вспомнить главу "Наши гости. Вечный" из "Петербургского буерака", где "немецкий поэт из Митавы", Ганс Гюнтер, с легкой руки Ремизова был представлен художественному Петербургу и принят в литературных салонах (в частности, у Ф.Сологуба на Васильевском острове) как Стефан Георге. Но и романтический потомок "бесстрашных ливонских рыцарей" (3) тоже был введен в заблуждение и "одержим страхом", когда прибывший из Херсона в дом Ремизовых "турецкий поэт" Илья Аронович Тотеш ("Фуад Намыка") превратился, со слов

канцеляриста Обезвельволпала, в Бориса Савинкова, якобы захавшего предупредить о вооруженном восстании. "Стефана Георге" и "Фуада Намыку" сменил "Леший" - латышский поэт и писатель Карлис Якобсонс, напевший Ремизову "Латышскую колыбельную", замыкающую его "Посолонь".

Обращение к документальным источникам (письмам, дневникам и т.п.), таким образом, становится неотъемлемым и часто незаменимым материалом в изучении биографических фактов, связанных с явлениями литературной истории. В этом плане любопытным становится материал, где А.М.Ремизов является главным персонажем переписки двух латышских поэтов Виктора Эглитса и Валдемара Дамбергса, которые в первое десятилетие XX-го века были творчески связаны с представителями русского символизма. Эволюция эстетических взглядов названных латышских писателей, чьи имена уже введены в исследовательскую литературу по русскому модернизму (4), отражает смену мировоззренческих ориентиров на протяжении почти полувека и вместе с тем рисует динамику культурных процессов, точки сопряжения и отталкивания, происходивших в России и в Латвии.

Так же как "Письма А.М.Ремизова и В.Я.Брюсова к Оге Маделунгу" высвечивают творческий сюжет взаимоотношений трех писателей, со временем становясь итогом определенного критического осмысления, так и предлагаемый ниже материал (кстати, некоторые его фрагменты увидели свет, так же как и переписка с Маделунгом, в Копенгагене) повествует о некоторых характерных событиях той эпохи; по словам В.Дамбергса, "эти письма снова поднимают занавес времени и помогают глазам читателей пробежать многие сцены нашего XX-го века в его первое десятилетие, в наиболее яркую пору возрождения нашей национальной культуры" (5).

Книга В.Дамбергса "Переписка с Эдвардом Вирза и Виктором Эглитсом: Письма." писалась автором в эмиграции. На ее страницах часто встречаются имена русских поэтов "серебряного века": Д.Мережковского, З.Гиппиус, Ф.Сологуба, К.Бальмонта, В.Брюсова, Вяч.Иванова, А.Белого, М.Кузмина и др., а также молодых латышских поэтов. Записи мемуарного характера чередуются с письмами, некоторые эпизоды их подвергаются комментированию.

К теме настоящей статьи относятся эпистолярные материалы и воспоминания о В.Эглитсе (1877-1945). Дамбергс вспоминает 1906 г. - время первой встречи с поэтом, инициатором которой был его ровесник и товарищ по реальному училищу небезызвестный Ганс Гюнтер (6): "В.Эглитс <...> после первых вводных слов начал рассказывать о своих впечатлениях в Петербурге. Уже ранее будучи знакомым с русским писателем-декадентом А.М.Ремизовым, В.Эглитс при его посредничестве проник в активную и определяющую русское искусство группу декадентов. Очень живо и колоритно описывая каждого, он рассказывал о самом Ремизове, Мережковском и его супруге, писательнице г-же Гиппиус, Ф.Сологубе, поэте Вяч.Иванове, А.Белом - Брюсов был в Москве (7), - о художниках Сомове, Добужинском, Феофилактове. Живое изображение каждого участника этого общества, например: Мережковский - железный генерал, Белый (8) - светловолосый пламенный архангел, Сологуб - все испытывавший скептик, Иванов - утонувший в мудрости прозорливец-праведник, Гиппиус - красивая, утонченная эстетка и т.д., - захватило нас. <...> По меньшей мере 2,5 часа без усталости и не проронивши ни слова, слушали мы рассказ В.Эглитса, поскольку он не только давал характеристику отдельным русским декадентам, но и декламировал тезисы нового символистского искусства (9). Когда мы распрощались, В.Эглитс пригласил нас снова его навестить. Это знакомство положило основу для последующей дружбы. Этой же весной я еще дважды посетил его <...>, причем каждый раз я находился в их квартире 4-5 дней" (10).

В сборнике воспоминаний "Зеленое древо писательства", вышедшем в Швеции в 1947 г. и предшествующем цитируемому, в кратком очерке о В.Эглитсе Дамбергс упоминает о месте знакомства с Ремизовым: "Поступив в Пензе в Художественный институт и проведя там два года, В.Э. не достиг намеченной цели, потому что из-за открыто высказанных революционных взглядов по вопросам живописи и искусства ему вместе с 43-мя товарищами по убеждениям в октябре 1901 г. пришлось оставить институт. Этот пензенский период играл важную роль в образовании Эглита-художника, потому что здесь он встретился со многими очень интеллигентными людьми - Мейерхольдом и Алексеем Реми-

зовым. А во-вторых, в это время, наблюдая за художественной жизнью России, он был свидетелем той борьбы, которую против реализма вели Мережковский, Дягилев и Бенуа" (11). В этом же сборнике впервые упомянуто о приезде супругов Ремизовых в Цесвайне (12) к Эглитсу.

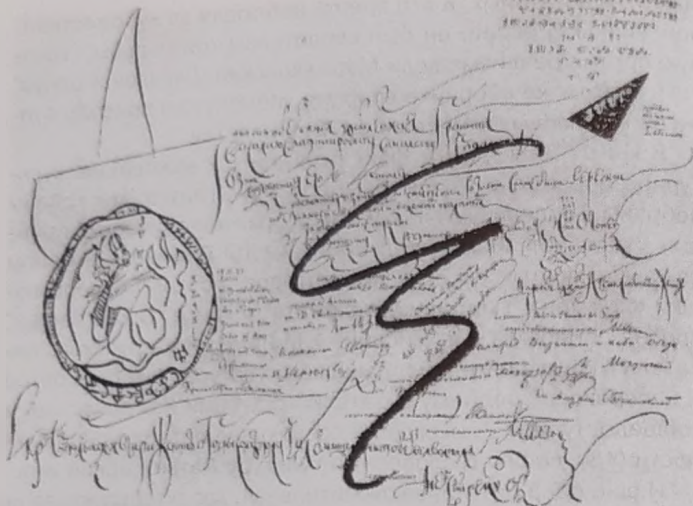
В книге 1954 г. этот факт отражен как важнейшее культурное событие в жизни Дамбергса и Эглитса, материалы собраны в отдельную главку, такой архитектурный принцип усиливает знаменательность имени Ремизова в целом ряду упомянутых русских литераторов, поэтому завершающий фрагмент "гюнтерского сюжета" в книге "Огонь вещей" вполне приложим и к "миссии" А.М.Ремизова - русского писателя в кругу деятелей латышской культуры: "чтобы в обход и наперекор "среднему читателю" с зубами на "понятное" и "общедоступное", никогда не создающее литературной ценности (13), вошло в словесную культуру Латвии новое имя.

И еще одна цитата, заключительная, характеризующая не только В.Дамбергса-поэта - "верного рыцаря классицизма", как назвал его в юбилейной статье Я.Судрабкэлнс, но и Дамбергса-мемуариста: "Когда все скрылось где-то вдали, он с суровым сознанием важности своего ремесла и своей ответственности отыскивает главное, самое значительное, непреходящее. Он пытается совладать с материалом, с нахлынувшим на него потоком впечатлений..." (14).

Визит русского писателя А.М.Ремизова.

Поездка Ремизова в гости, упомянутая в письме, задерживалась на целый месяц; он прибыл вскоре после Янова Дня. Праздничным вечером я был по дороге в Цесвайне, где семья Эглитса проводила летние каникулы в сельском доме при лавке, принадлежавшей Сталбову, брату госпожи Эглите. Всю Янову Ночь проведя в дороге, я лишь к обеду добрался до места жительства, "лавки Сталбова", как ее называли жители Цесвайне.

Виктор Эглитс, высунувшись из окна второго этажа, весело меня приветствовал, и я, измаявшись ночным путешествием, был рад наконец-то добраться "до места". Кроме всего прочего "лавка Сталбова" была живописным местом у ручья, под склоном холма, обросшего деревьями, недалеко от леса.

ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛЪ.

Ковсестуица.

1. Обезвелволпалъ (обезвелволпала) есть обществ. животное.

ежедневно — вставать,
идти и возвращаться — неслыханным,
грешить — вставать.

2. Царь, речевиный — Аска-Валдетиорактвонвалуфа
Аскаси Первой Обезвелволпала.
и царь много много не знает,
и сего много много не знает.

3. Есть Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный

4. Гласный валдетиорактвонвалуфа.

и тебе не обидеть,
ты ища не обидеть,
и тебе не обидеть,
ты ища не обидеть.

5. Твоясь обидеть валдетиорактвонвалуфа — во гласный,
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный,
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный

6. Слов валдетиорактвонвалуфа. Слов валдетиорактвонвалуфа,
валдетиорактвонвалуфа, валдетиорактвонвалуфа, валдетиорактвонвалуфа,
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный

7. Твоясь обидеть валдетиорактвонвалуфа — во гласный,
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный,
иногда Аскаси валдетиорактвонвалуфа — во гласный

Иногда валдетиорактвонвалуфа

АЛЕКСАНДР РЕМИЗОВЪ.

Текст грамоты.

Дана сия грамота обезвелволпала Василию Владимировичу
Васильеву-Васильеву во время исполнения его во клавире
обезвелволпала и стилисти сь речевиным обезвелволпалам
гласным Обезвелволпалам и речевиным гласным (Обезвелволпалам)
за клавире валдетиорактвонвалуфа валдетиорактвонвалуфа валдетиорактвонвалуфа
валдетиорактвонвалуфа, валдетиорактвонвалуфа, валдетиорактвонвалуфа

Получилъ Царь обезвелволпала Аскаси валдетиорактвонвалуфа

Клавире и клавире обезвелволпала гласного
Степана обезвелволпала, валадетиорактвонвалуфа.
Получилъ Аскаси валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Клавире валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Обезвелволпала С. Шуровича.
Клавире валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа.
Обезвелволпала Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа.
Клавире валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа.
Клавире обезвелволпала и клавире (получилъ
валдетиорактвонвалуфа)

Получилъ Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Получилъ Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа

Получилъ Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Клавире валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа

Получилъ Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Клавире валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа

Составилъ в дачу валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа
валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа

Самодельный Валдетиорактвонвалуфа Валдетиорактвонвалуфа

Грамота Обезвелволпала, выданная В.В.Гадалину, редактору художественно-литературного еженедельника "Наш огонек" в 1925 г.

Числа не помню, но вскоре после моего приезда, когда мы все сидели в зале, пришла телеграмма. Пробежав ее, Эглит воскликнул: "Сегодня приезжает Ремизов!" - и так стремительно обнял жену, что она вскрикнула: "Виктор, ты меня сломаешь!"

Когда подошло время прибытия поезда, мы сели в дрожки Сталбова и тронулись к железнодорожной станции Цес-

вайне, находящейся в двух километрах, куда из Арини уже была прислана подвода. После недолгого ожидания остановился, выбрасывая черный дым, небольшой узкоколейный пассажирский поезд. Викторс Эглитс сразу заметил выходящих из вагона чернявого, маленького, сухощавого господина и очень корпулентную даму высокого роста. Это были Алексей Михайлович Ремизов и его супруга Серафима Павловна. После сердечного приветствия и знакомства все расположились в подводах и поехали в Арини, в дом мужа сестры г-жи Эглите, где намечено было разместить Ремизовых.

Помню короткую беседу с Ремизовым, которая коснулась окрестностей Цесвайне. Вспоминая российские заезженные дороги, неогражденные канавами, пастбища, заросшие кустами, леса с большими неубранными лесоповалами, поля с редким посевом, а в Латвии - и в окрестностях Цесвайне - осушенные и утрамбованные камнями дороги, мелиорированные поля, четкие границы лесов и полей, - я сказал, что эта местность культивирована, на что Ремизов удивленно заметил: мол, ему здесь все кажется диким. По-видимому, Ремизовым руководило не внешнее созерцание, а внутреннее чувство (по-русски - "нутро") и представление об изысканности русского общества и нашей "первозданности". Беседа наша прервалась...

С Ремизовым я встречался лишь несколько раз, но Эглитс - как всегда - был протагонистом - главным вдохновителем бесед, поэтому пусть его письма расскажут о пребывании русского писателя.

Цесвайне 17 июля 07.

Уважаемый и любезный г.Дамбергс!

Мы гостим и беседуем почти ежедневно. Часто заспорим так, что даже Серафима Павловна забывает о приличии, как и большинство женщин. Петербургские художники представлены нам во всей наготе. О некоторых, например, о Сомове, В.Иванове, Кузмине, Феофилактове я бы Вам мог много "насплетничать", хотя изображены они были весьма серьезно, в силу своего пролетарства не могу не посмеяться. Только - не все в письме расскажешь.

Выезжали мы не менее 10-12 раз. 15 июля были в Вецпиебалге на концерте, устроенном П.Залите (15). Там нас

принял Аустриньш (16) - знакомил и развозил. Концерт был плохой, публика приятная и интеллигентная.

Пишу посвящения и поэмы. Но на серьезное буду способен лишь тогда, когда гости уедут, т.е. после 25 июля. Ремизов объявил меня постоянным сотрудником некоего нового издания, в каждой тетради которого я должен исписать страниц 15-ть своими соображениями о латышско-литовских мифах, соотнося их с современными типами и флорой. Посмотрим. Главный редактор - Вяч. Иванов. Издатель - какая-то богатая дама Гриневич.

Ремизов хочет перевести что-нибудь из наших произведений. Он хочет получить для чтения, например, мою пьесу. Может быть, дам, но тогда пришлите конец первого действия.

Пропасть между Ремизовыми и нами все увеличивается, хотя и не ухудшая добрых отношений. Они - в полной мере оккультисты, верят в разные предзнаменования, в духов; требуют полной независимости от государства, сословия, героизма, даже - от здоровой плоти и от всех идей; всякий белый луч пропускают через призму и т.п. Я не могу в это так углубляться, хотя бы потому, что принадлежу к здоровому народу. Поэтому во время споров происходит полная поляризация - мне нужно стать молотом на их наковальне.

Алексей Михайлович все-таки внимательно прислушивается ко мне и кое-что даже понимает, - признает, что в русской литературе эти вопросы еще мало затронуты. И все же в русское возрождение не верит: Россия исчезнет в агонии.

О Вашем письме разочарованно сказал: "Владимир Федорович с нами официален, и только". Напишите ему как когда-то мне. Он все принимает близко к сердцу, все живое, неподдельное в отношениях с ним, и высказывается открыто. Каждая бездна разверзается, чтобы поглотить его, - словно сатана, для того, кого хватает и тянет вниз. Даже переправляясь через такой мост, где конь может ногу сломать или сбросить в реку, он оживает, как паук. В обычных условиях он пассивный, полусонный, каждое изречение превращает в абсурд; например: "Зовите этого мальчугана в комнату, а то его дождем смоет и ничего не останется..."

Следующее письмо от 5-го августа того же года Виктор Эглитс написал уже после отъезда Ремизовых.

"Ремизовых проводили из Риги 25-го июля. Побывали несколько раз на взморье, раз - на концерте. Обошли рижские парки, церкви и музеи. Двенадцать раз выезжали в сельскую местность: Самая дальняя поездка была на концерт в Пиебалгу, куда нас пригласил Аустриньш. Я познакомил его с Лиепиньшем, Аустриньшем, Залктисом (17) (музыкантом), Бобковицем (18), Грузной (19) и представил Фаллию (20) на концерте, - это все. В Ригу их сопровождали мы троим - я, Мария и Лиепиньш. Жили в гостинице Суворова три дня. Очень потратились. От ремизовских 150-ти рублей, с которыми он приехал в Арини, выезжая в Харьков (к Бердяевым), осталось только 13-ть рублей.

Взаимоотношения были хорошими, хотя постепенно узнали мы несовместимую противоположность друг друга. Но как совершенно противоположные - можем быть совместимыми. Теперь реже о них думаю. В Петербурге у них жить не буду. Ремизов раз спросил, у кого, мол, будем жить? Я ответил: "У Панкулиса". Но, может, будем жить вместе, г. Дамбергс? То есть, вдвоем в комнате, чтобы было дешевле. Поскольку оба мы будем филологами, то во время занятий мешать друг другу не будем. Не знаю, как это будет? Хотя бы попробовать можно?

Еще целый чистый лист... Квартуру мы снимаем на ул. Парка I-а, 20 - вместе с Дарзиньшем. На всех будет пять комнат - две Марии, две Дарзиньшу (он без супруги), одну Лиепиньшу. В год - 400 рублей.

Документы послал, ответа еще не получил. Только портной университета прислал карточку своего магазина. Сомневаюсь, что попаду в студенты - заявлений чуть ли не 12 000. Все надеются на начало спокойных времен..."

Упомянутый в письме от 17-го июля новый сборник под редакцией Вяч.Иванова не был реализован, также и мой перевод пьесы В.Эглитса "При дворе". Уже тогда мне стало ясно, что переводы на чужом языке, пусть переводчик и владеет им хорошо, не могут быть признаны полноценными произведениями, а лишь вспомогательным средством до тех пор, пока не появятся настоящие переводчики соответствующей национальности. Достойны внимания мысли А.Ремизова о судьбе России: Россия погибнет в агонии. Как понимать эти сказанные еще до войны слова? Это не могло быть

рассудочным заключением, ведь Ремизов хотел "освободиться от всех идей". Значит, только интуитивная догадка! А теперь через 45 лет можно думать - ошибочная. И все же! Сам Ремизов, каким мы его знали, был "частицей России". И вся его тогдашняя александрийская духовная конституция России не свидетельствовала о более светлых надеждах в будущем - о возрождении: значит что-то уже разрушилось, если надо было реставрировать! Здесь и проявились "противоположности" В.Эглитса и А.Ремизова: не только в их принадлежности к разным национальностям или индивидуальное различие характеров и взглядов! И это тоже могло быть причиной пессимистического предвидения Ремизова, временные границы которого лежат далеко за полувеком. Внешние размеры государства еще не гарантируют здорового организма и долгой жизни. Вспомним судьбу больших империй!

Упомянутый в письмах Лиепиньш был малоизвестным писателем Петерисом Лиепиньшем, который подружился с семьей Эглитса и некоторое время жил вместе - в одной квартире. Упомянутые в конце письма от 5-го августа документы - это прошение о поступлении в Петербургский университет.

С осени 1907-го г. в жизни Викторса Эглитса наступает новая пора - студенческие годы, - когда ему было уже за 30.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исключение составляют работы Р.Д.Тименчика - "Литературные приключения латышской колыбельной"// Даугава 1983. N 9. С. 119 - 120 и "Доверенность Андрея Белого: эпизод из истории латышско-русских литературных связей"// Диена. -1992, 11 января. С. 11.

2. "Экзотичность" А.М.Ремизова - отличительная черта облика писателя, отмеченная также и его соотечественниками, значительно позднее в статье В.Унковского "В гостях у Ремизова (Письмо из Парижа)" портрет писателя выписан так: "Хозяин имеет обыкновение сидеть в глубоком кресле перед письменным столом. В пяти вязаных свитерах - один на другом разных цветов от оранжевого до красного - без пиджака, бритый, коротко постриженный, но волосы топорщатся и торчат ежиными иглами. Ему в домашней обстановке не хватает фески, а то бы он походил на турка (Новый голос. -1931.- N 61. С.5). Подробнее об "экзотичности" Ремизова см. в статье А.Синявского "Литературная маска Алексея Ремизова"// Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer./ Ed. by G.Slobin. Columbus, Ohio, 1987. PP. 25-40.

3. Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. С. 423.

4. См. об упоминании имени В.Эглитса в "Письмах А.М.Ремизова к В.В. Перемиловскому"/ Публ. Т.С.Царьковой и А.М.Грачевой// Русская литература.-1990.- N 2. С. 220; Письма В.Дамберга к Блоку/ Публ. Е.М.Беня// А.Блок: Новые материалы и исследования. - М., 1987. Кн. 4. С. 423-424; Переписка с А.А.Курсинским/ Публ. А.А.Козловского и Р.Л.Щербакова// Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1.- М., 1991. С. 354-355; К.Крауин. Вальдемар Дамберг// Новый голос. -1931.- N 72. С.6.

5. Dambergs Valdemārs. Sarakstfānāš Edvartu Virzu un Viktoru Eglīti: Vēstules. Kopenhāgeni: Inanta, MCMLIV. Lp. 67.

6. См.: Иоганнес фон Гюнтер и его "Воспоминания"/ Публ. К.М.Азодовского// Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5.- М., 1993. Здесь же приводится реакция Гюнтера на ремизовские мемуары, где "немецкий поэт, родом из Митавы" является центральным персонажем: "Спустя десятилетия, в эмиграции, он написал забавную, но злую статью, в которой издевательски утверждал, будто Георге вовсе не существует и это имя выдуманно мной. В такой ядовитой остроумной игре есть что-то от "Облаков" Аристофана". С. 349. Упоминание о Гюнтере см. в письме Ремизова к В.Брюсову от 15 мая 1906 г. - Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2.- М., 1994. С. 199.

7. Личное знакомство с В.Брюсовым, перевод на латышский язык его произведений и статьи "Ключи тайн" отразилось в творчестве В.Эглитса, см., например, его послание "Валерию Брюсову", где есть строки: "Но быть лишь эхом твоим, как другие, я не могу" - Viktors Eglits. Hippokrena. Jambū un līriķa īn modo classico.- Rīga, 1912. Lp. 95.

8. В воспоминаниях А.Белого "Между двух революций" в главе "Петербургская драма" упомянуты И. фон Гюнтер и В.Дамбергс.

9. В эпосе В.Эглитса "Серый барон" ("Pelēkais barons") содержатся ссылки на русский "Ренессанс" и "Декадентство". Эглитс обращается к именам Брюсова, Мережковского, Вяч. Иванова, Зиновьевой-Аннибал, Кузмина и др. для художественного осмысления культурологической модели "нового искусства".

10. См. сноску 5. Lp. 68.

11. Dambergs Valdemārs. Zalais rakstniecības koks: Apcerējumu krajums. Zviedrija Mulsjo: A.Dravnicka grāmatu apgāds, 1947. Lp. 71.

12. В научной литературе о Ремизове факт его пребывания в Цесвайне (Цесвайнская волость Мадонского уезда, Видземе) зафиксирован: "They stayed in turn at Berestovets, Chernigov, the Liflandia region of Latvia (Sesswegen, now Cesvalne), Riga, Lyubotin nera Khrakov, and Moscow"// Horst Lampl. A.M.Remizov: A Short Biographical Essay (1877-1923). Translated by Susan Schilling. Russian Literature.- 1986.- N 19. P. 33. (Приношу благодарность С.Н.Доценко за указание на этот источник).

13. Ремизов А.М. Огонь вещей... С. 423.

14. Ян Судрабалнс "Верный рыцарь классицизма" (К двадцатилетию литературной деятельности Вальдемара Дамбергса)// Сегодня.-1931.-N86.

15. Залите Петерис (1864-1939) - философ, журналист.

16. Аустриньш Антонс (1884-1934) - писатель, перевел на латышский язык роман В.Брюсова "Огненный ангел".

17. Залитис Янис (1884-1943) - композитор.

18. Бобковиц Артур (1885-1959) - дирижер.

19. Грузна Павлис (1878-1950) - писатель.

20. Фаллийс (1877- 1915) - писатель.

Часть II

А. Ремизов и его латгальский адресат Иван Павлов: введение в тему.

В 1940 г. в мартовском номере газеты "Сегодня" была помещена любопытная статья В.В.Гусева. В ней рассказывается о завязавшейся переписке между маститым писателем, живущим в Париже, и латгальским пареньком, о котором сегодня известно немного, но, возможно, позднее с публикацией материалов зарубежных закрытых ремизовских архивов имя Ивана Павлова займет отнюдь не случайное место среди корреспондентов А.М.Ремизова.

Что способствовало этому заочному знакомству? Прежде всего то, что Ремизов был одним из популярных "персонажей" русской периодики Латвии. Статьи П.Пильского, В.Унковского, И.Лукаша и др., публикации ремизовских произведений, его отклики на разнообразные и многочисленные анкеты несомненно усиливают популярность писателя в Латвии.

Среди анкет небезынтересно остановиться на "рождественской" 1930-го г., посвященной детской литературе. На вопрос "изменился ли вкус детей в выборе игрушек, игр и книг?" Ремизов ответил: "Я очень люблю детей, всегда любил и много их встречаю на улице и всегда радуюсь, глядя на них, и мне кажется, они такие же, как помню их в Париже и до войны. Иногда очень взволнованно вдруг примутся что-то рассказывать мне, но говорят все вместе, и трудно разобрать, в чем дело. А из того, что я понимаю, я чувствую, что это какое-то важное событие из их мира, который мы не замечаем и, возможно, что даже при желании заметить, ничего не разберем. В то время, как оценки взрослых очень изменились, везде и на все понизилось требование: выбирают ли книгу для чтения, смотрят ли в театре пьесу или просто развлекаются, - сказать о детях, чтобы и их мир так обеднел и так сомкнулся, будет неправильно. От всякой книги прежде всего требуется, чтобы она была не безразлична <...> При таком условии слово получает силу, как соль и сахар, хина и яблоко, гнев и милость. И лучше всего брать для детей не то, что написано "для детей", а то, что ни для кого не предназначалось, но и не могло не быть написано, и по-

тому вышло для всех - и для детей и для взрослых: Аксаков, Толстой, Гоголь, Достоевский" (1).

По-видимому, так и следует рассматривать собранные в коллекции И.Павлова книги с дарственными надписями автора "Посолони", чей творческий импульс сказался на духовном становлении молодого человека из далекой от Парижа Латгалии.

В.Г.

Собрание литературных материалов о творчестве А.М.Ремизова на латгальском хуторе (2).

Иван Павлов - любознательный сельский юноша, со школьных лет начавший записывать произведения русского народного творчества, познакомился с А.М.Ремизовым письменно - послал ему записанные деревенские сказки о солдатской дружбе с чертом. Знаменитый писатель поощрял юного собирателя фольклора: постепенно И.Павлов стал постоянным корреспондентом А.М.Ремизова.

18 июня 1929 г. А.М.Ремизов писал из Парижа: "Спасибо вам за присылку песен. Летом непременно попробую что-нибудь сделать из ваших сказок. Хотелось бы к вам приехать, да трудно это осуществить".

Личная встреча не состоялась - А.М.Ремизову не удалось побывать в Латвии, как не случилось сделать это М.А.Алданову и Б.К.Зайцеву, тоже сюда собиравшимся, - но письменное знакомство состоялось.

Одаренный вниманием писателя, И.Павлов начал собирание литературных материалов о творчестве А.М.Ремизова. С годами собралось много интересного.

На одиночном латгальском хуторе теперь есть 15-ть книг А.М.Ремизова, выпущенных девятью издательствами в разное время в течение первой четверти нынешнего столетия, и среди них изданное "Алконостом" в 1919 г., в тогдашнем Петрограде, "Электрон" и "Сибирский пряник". Две книги с личным посвящением автора. На "Взвихренной Руси" знаменитой ремизовской вязью отмечено: "Ивану Павлову - моя память о страдных годах". На "Петушке" - "Ивану Павлову московскую повесть. А.Ремизов".

Есть два портрета автора, тоже с автографом. Сам И.Павлов накопил пять толстых тетрадей вырезок из газет и журналов об А.М.Ремизове. Очень много собралось отдель-

ных номеров разных периодических изданий с отрывками из произведений А.М.Ремизова.

С сентября связь с Парижем оборвалась.

И.Павлов теперь в свободное от работы время приводит в порядок черновики собранных им старинных песен, сказок и частушек. Особенно много частушек (8 с половиной сотен). Среди частушек есть исключительные образцы, написанные по ремизовскому выражению, "полнозвучной русской речью".

Лучше нету того цвету
Когда яблонька цветет.
Веселей беседы нету,
Когда миленький пройдет.

Ах, березка, здесь не место
За рекой на берегу.
Я, родняша, не невеста,
Ты бери себе другу.

Ветер елочку колышет,
До сырой земельки гнет.
Один мальчик меня любит,
Только замуж не берет.

Ах, забава, что наделал -
Ель зеленую срубил,
Лучше б ножичком по сердцу,
Чем другую полюбил.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Книга. Что читать детям. Анкета "Сегодня"// Сегодня. -1930.- N 354, 23 декабря. С. 8.
2. Сегодня. -1940.- N 67, 9 марта.